

Перес-Артуро
Реверте

Не верю тем, у кого есть дом, кровать,
семья или друзья.

Шарль Плинье
«Фальшивые паспорта»

На самом деле ад — довольно мощный
стимулятор.

Джон Дос Пассос «Лучшие времена
(неофициальные мемуары)»

Роман основан на исторических собы-
тиях, но сюжет и все персонажи вымышле-
ны. Следуя законам беллетристики, автор
позволил себе изменить некоторые второ-
степенные исторические детали.

1. НОЧНЫЕ ПОЕЗДА

Женщина, которой предстояло умереть, вот уже десять минут болтала без умолку. Разговор, банальный и пустой, шел в вагоне первого класса: сезон в Биаррице, последний фильм с Кларком Гейблом и Джоан Кроуфорд и тому подобное. Войну в Испании упомянули всего раза два, и мимоходом. Лоренсо Фалько с наполовину выкуренной сигаретой в пальцах слушал, закинув ногу на ногу и стараясь не измять заглаженную складку фланелевых брюк. Соседка сидела у окна, за которым проплывала ночь. Фалько — напротив и наискосок, ближе к двери в коридор. В купе они были вдвоем.

— Джин Харлоу, — сказал Фалько.

— Простите?..

— Харлоу. Джин... Это она играла в «Китайских морях» с Гейблом¹.

— О-о.

¹ «Китайские моря» (тж. «Моря Китая», *China Seas*, 1935) — фильм Metro-Goldwyn-Mayer о приключениях в морях, поставленный Тэем Гарнеттом; Кларк Гейбл сыграл в нем морского капитана, Джин Харлоу — его бывшую и вечную любовь.

Дама задержала на нем неморгающий взгляд на три секунды дольше, чем позволяли приличия. Все дамы, впрочем, удостаивали Фалько по крайней мере этими тремя секундами. Он и сам несколько мгновений оценивал шелковые ажурные чулки, дорожные башмаки столь же отменного качества, что и шляпа с сумкой, брошенные на соседнее сиденье, элегантный костюм от Вионне, который в глазах человека наблюдательного (а Фалько был именно таков) не вполне вязался с чем-то вульгарно-простецким, смутно сквозившим во всем облике соседки. Настораживала и нарочитая приподнятость интонаций. Дама открыла сумочку, оглядела, в порядке ли губы и брови, каждым движением демонстрируя изысканность манер, которой на самом деле была лишена. Легенда, заключил Фалько. Придуманно неплохо и воплощено недурно. Но бесконечно далеко от совершенства.

— А вы тоже в Барселону? — спросила соседка.

— Да.

— И война не помеха?

— Я — деловой человек. А война одни дела затрудняет, другие — облегчает.

У нее в глазах мелькнула и исчезла мимолетная тень пренебрежения.

— Понимаю.

За три вагона от них протяжно загудел паровоз, колеса чаще и громче застучали по стыкам рельсов — начинался долгий подъем. Фалько взглянул на свои «Патек Филипп». До пятиминутной остановки в Нарбонне оставалось четверть часа.

— Виноват, — сказал он.

Погасил сигарету в пепельнице, вделанной в поручень кресла, поднялся, поправляя стрелки на брюках, подтягивая узел галстука. Лишь беглым взглядом скользнул по своему потертому чемодану свиной кожи, вместе со шляпой и макинтошем лежавшими в багажной сетке над сиденьем. Внутри не было ничего, кроме нескольких старых книг — для придания должного веса. Все необходимое — паспорт, бумажник с французскими, немецкими и швейцарскими деньгами, пузырек с таблетками, черепаховый портсигар, серебряная зажигалка и 9-мм «браунинг» с шестью патронами в обойме — было при нем. Шляпу надевать не стал, чтобы не вызвать подозрений у соседки, и, мысленно послав прощальный привет коричневому фетру своей безупречной «трильби», взял только макинтош.

— С вашего разрешения... — добавил он, открывая дверь купе.

И взглянул на женщину в последний раз, но она уже отвернулась к тьме за окном, и в черном стекле отражался ее профиль. Напоследок Фалько окинул взглядом ее ноги, безразлично отметив: «Красивые». Лицо — ничего особенного, да и то благодаря косметике, однако фигура, угадывавшаяся под костюмом, хороша, и ноги ей под стать.

В коридоре стоял приземистый мужчина в длинном пальто верблюжьей шерсти, двухцветных туфлях, в черной шляпе с очень широкими полями. Глаза навывкате и смутное сходство с американским актером Джорджем Рафтом. На Фалько, как бы невзначай задержавшегося рядом, повеяло смесью бриллиантина с розовой водой. Это было не очень приятно.

— Она? — шепнул человек.

Фалько кивнул, доставая из кармана портсигар, а из него — новую сигарету. Человек в пальто скривил рот — маленький, розовый, с жестокой складкой губ.

— Точно?

Не отвечая, Фалько прикурил и двинулся в конец вагона. У выхода в тамбур оглянулся и увидел, что в коридоре уже никого нет. Он курил, прислонясь спиной к двери туалета, возле самого перехода-гармоники из вагона в вагон, и слушал глуховатый перестук колес. Инструктируя его в Саламанке, адмирал особо подчеркивал, что тактическая сторона дела Фалько не касается. Не светись, чтобы не рисковать, если что вдруг пойдет не так, — вот был вердикт. Вернее, приказ. Женщина едет из Парижа в Барселону без сопровождения. Твое дело — установить, опознать и немедленно уйти. Остальным займется Пакито-Паук. Не мне тебе объяснять. Со свойственным ему изяществом. Он мастер на такие штуки.

В голове состава снова взвыл гудок. Поезд сбавил ход, и огни за окном теперь не летели, а ползли. Колеса застучали реже и как-то вразнобой. Появившийся в торце вагона кондуктор в синей тужурке и форменном кепи объявил: «Нарбонн, стоянка пять минут», и Фалько, проходя ему навстречу мимо дверей своего купе, подобрался, насторожился. Однако все обошлось — кондуктор разминутся с Фалько в коридоре и вышел в тамбур, вероятно, Паук задвинул занавески.

Народу на платформе было немного: полдесятка пассажиров с чемоданами выгрузились из вагонов,

неторопливо шагал к голове состава начальник станции в красной фуражке и с фонарем в руке, да станционный жандарм в коротком плаще стоял со скучающим видом у выхода, заложив руки за спину и не сводя глаз с часов под стеклянным куполом, показывавших 0:45. Фалько мельком оглядел свой вагон: занавески на окне его купе и в самом деле оказались задернуты. Не вертя головой, а только скосив глаза, он убедился, что Паук вышел из другого вагона и движется сейчас в пяти шагах позади.

Начальник станции остановился у дальнего края платформы, помахал фонарем и дал свисток. Локомотив фыркнул клубом пара и тронулся, медленно сдвигая с места поезд. Только тогда Фалько вошел в здание вокзала, пересек зал и вскоре оказался снаружи, на улице, где в желтоватом свете фонарей виднелась стена, заклеенная рекламными плакатами, а у тротуара, неподалеку от стоянки такси, как он и предполагал, приткнулся «пежо». Фалько задержался на миг — ровно настолько, чтобы его догнал Паук. Можно не оборачиваться — сложный букет бриллиантина с розовой водой ни с чем не перепутаешь.

— Да, это она была, — подтвердил Паук.

И с этими словами протянул Фалько изящный кожаный портфельчик. Потом, сунув руки в карманы пальто, надвинув на глаза шляпу, торопливо засеменял по улице и скрылся в темноте. Фалько направился к автомобилю — тихо урчал мотор, на водительском месте чернел неподвижный силуэт, — открыл заднюю дверцу и уселся, положив макинтош рядом, а портфель — на колени.

— Фонарь есть?

— Есть.

— Дай-ка.

Водитель протянул ему фонарик и включил первую передачу. В свете фар замелькали пустынные улицы, а потом почти сразу же — предместья, где по обочинам шли белые полосы на черных стволах деревьев. Фалько нажал кнопку и в пятне света стал перебирать содержимое портфеля: напечатанные на машинке письма и документы, записная книжка, вырезки из германских газет и удостоверение личности на имя Луизы Ровира Бальсельс с фотографией и печатью правительства Каталонии. Четыре документа — на бланках с грифом коммунистической партии Испании. Фалько все спрятал обратно, фонарик положил рядом, устроился поудобней, закрыл глаза, откинул голову на спинку сиденья, предварительно распустив узел галстука и укрывшись плащом. Даже теперь, когда от подступающего сна расслабилось четко очерченное привлекательное лицо, чисто выбритое всего несколько часов назад, но уже вновь обметанное проступающей щетиной, оно не утратило всегдашнего выражения благодушного любопытства, с которым, казалось, обладатель его наблюдает за неким трагикомическим действием, где роль отведена и ему, — однако порой от свирепого оскала лицо это делалось неузнаваемым.

По обеим сторонам шоссе по-прежнему бежали полосатые черно-белые стволы. Прежде чем окончательно погрузиться в сон, Фалько, убаюканный мягким покачиванием автомобиля, вспомнил ноги уби-

той женщины. Жалко, мелькнуло в отуманенной голове. Упустил случай. Сложись иначе — ему бы не составило труда сделать так, чтобы они раскинулись для него на всю ночь.

— Новое задание, — сказал адмирал.

У него за спиной в окне над пока еще голыми ветвями деревьев на площади возносился купол Саламанкского собора. Двигаясь против света, начальник НИОС — Национальной информационно-оперативной службы — подошел к большой, на полстены, карте Пиренейского полуострова, висевшей рядом с портретом каудильо и полками с энциклопедией «Эспаса».

— Дело мутное и муторное.

С этими словами он достал из кармана пиджака — адмирал на службе неизменно появлялся в штатском — измятый носовой платок, трубно высморкался и посмотрел на Лоренсо Фалько с укоризной, словно тот был виноват в его простуде. Потом, пряча платок, метнул быстрый взгляд на нижнюю правую часть карты и ткнул туда пальцем:

— Аликанте.

— «Красная зона», — неизвестно зачем сказал Фалько, и адмирал посмотрел на него сперва внимательно, а потом недовольно.

— Ну, ясно, что красная, какой же еще быть?! — ответил он брюзгливо.

Фалько сдержался. Он всего сутки назад приехал в Саламанку, а до этого была трудная поездка по югу Франции и переход границы в Ируне. А еще раньше — головомное задание в Барселоне, находящейся

в республиканской зоне. С того дня, как произошел военный мятеж, у него не было ни одного выходного.

— В могиле выпшишься, — и адмирал посмеялся собственной шутке невесело и как бы про себя.

С тех пор как 3 августа его единственный сын, старший лейтенант флота, был убит вместе с другими офицерами на борту крейсера «Либертад», адмирал все чаще не в духе, подумал Фалько. Впрочем, едкость суждений и зловещий похоронный юмор были при-сущи ему неизменно, даже когда он отправлял агента из группы специальных операций за линию фронта, зная, что в ЧК с него не в фигуральном, а в самом прямом смысле могут содрать кожу заживо. «Ну, зато твоя вдова узнает наконец, где ты спишь», — говаривал адмирал или пошучивал еще как-нибудь, но в том же, совершенно даже не забавном роде. А теперь, на четвертом месяце гражданской войны, после того как при разных обстоятельствах было потеряно человек десять агентов, этот ернически-циничный тон усвоила себе вся Служба, включая даже секретарш, ради-стов и шифровальщиков. И уж как перчатка по мерке приходился он впору самому шефу — щуплому и мало-рослому галисийцу родом из Бетансоса, с густой седой гривой, пожелтевшими от никотина усами, нависав-шими над верхней губой, крупным носом, косматыми бровями и очень черным, суровым и живым правым глазом (левый был вставной). Адмирал отличался умом чрезвычайным, а слова «красный» или «про-тивник» неизменно вызывали в нем спокойную злобу. Говоря коротко, человек, отвечавший у Франко за шпионаж, был миниатюрен, проницателен, желчен

и очень опасен. В генштабе его называли «Вепрь». Не в лицо, разумеется, а за глаза.

— Я закурю? — осведомился Фалько.

— Черта лысого ты закуришь! — рявкнул адмирал, меланхолически скосив глаз на пакет с трубочным табаком посреди стола. — Не видишь — у меня страшнейший грипп!

Хотя начальство было на ногах, Фалько продолжал сидеть. Они с адмиралом знакомы были давно — еще с той поры, когда тот (тогда еще капитан 1-го ранга и военно-морской атташе в Стамбуле) создавал для республики разведывательную сеть в Восточном Средиземноморье, которую предоставил в распоряжение франкистов, как только вспыхнула гражданская война. А задолго до этого в Стамбуле они занимались поставкой оружия Ирландской республиканской армии, причем Фалько в этой сделке выступал посредником.

— Я тут вам привез кое-что, — сказал он.

И, достав из кармана, положил на стол конверт. Адмирал взглянул на него пытливо. От того, что стеклянный глаз был чуть светлее настоящего, казалось, будто адмирал как-то странно косит, и это создавало неудобства собеседникам. Он вскрыл конверт и извлек оттуда почтовую марку.

— Не знаю, есть ли у вас такая, — сказал Фалько. — Тысяча восемьсот пятидесятого года.

Адмирал вертел марку, поднося ее ближе к свету. Потом извлек лупу из ящика стола, заваленного трубками и жестянками с табаком, и стал неспешно вглядываться.